

Г. ТАСТЕВЕН

По звездам (По поводу сборника статей Вяч. Иванова)

Таково заглавие этой замечательной книги, с нетерпением ожидавшейся всеми интересующимися вопросами символизма и религии. В ряде статей философского, эстетического и критического характера, освещающих самые важные художественные и этико-религиозные проблемы современного сознания, последовательно развивается цельное, глубоко продуманное мировоззрение, творчески объединяющее эстетику, этику и религию и разрешающее даже важнейшие вопросы социальной политики.

Среди механических и чисто интеллектуалистических построений, которыми наводнен философский рынок, книга Вячеслава Иванова выделяется как продукт истинно творческого синтеза, в котором сказывается личность этого замечательного ума. Поэтому она глубоко захватывает и волнует нас даже тогда, когда касается вопросов, казалось бы чуждых современности: о религии Диониса, о мифе. Среди хаоса, царящего в глубине современного сознания, В. Иванов действительно прозревает новые туманности, из которых образуются новые звезды и созвездия нового человеческого неба.

Близко примыкая к «последнему ученику философа Диониса»¹, не только в исходных пунктах своего мировоззрения, но и в своей индивидуальной психологии (подобно Ницше, он одновременно и поэт, и ученый филолог-классик, усвоивший дух античной культуры, и пророк русского Возрождения), Вячеслав Иванов совершенно оригинален и независим в своих конечных выводах.

Тогда как у Ницше основным инстинктом человека является мрачный «Willezu Macht»^{<?> 2}, повергающий личность в пропасть

одиночества, у Вячеслава Иванова истинной сущностью человека является наряду с «любовью дерзающей» (τόνος) планетарная, женственная душа-Психея³.

Поэтому для Вячеслава Иванова возможно преодоление пропасти индивидуализма, — переход от пути богоборчества к теургии, закрытый для Ницше, все религиозные стремления которого должны были остаться без выявления (идеи любви к дальнему не было достаточно для религиозного творчества). Соответственно с этим и идея личного возрождения, сверхчеловечества получила совершенно иной оригинальный мистический и близкий к христианству смысл, который с особенной глубиной и проникновенностью развивается в статье «Древний ужас».

В своих эстетических исследованиях о символе, мифе, хоровой драме В. Иванов везде проводит идею реалистического символизма, «реалиоризма», который неизбежно соединяется с идеей «всенародного искусства» и русского возрождения в частности. Путь перехода индивидуалистического искусства в свою антитезу — всенародное искусство — должен выразиться в появлении новой хоровой драмы и мифа⁴, где проявится дремлющее, но не заглушенное народное религиозное творчество, стихийное религиозное начало народной души, которое покоится под «культурными нормами» современного сознания. И это возрождение хора вовсе не должно быть искусственной эстетической реставрацией, а неизбежным следствием пробуждения религиозного сознания народа.

«Я подобен тому, кто иссекает из кристалла чашу, веря, что в нее вольется благородная влага, — быть может, священное вино. Вином послужит содержание народной души; и благо тем из нас, кто сознали, что наша задача перед народом — помочь ему всем опытом нашей художественной преемственности в организации его будущей духовной свободы»⁵. Эта идея мистического пробуждения народной Психеи — женского начала народной души под влиянием известных эстетических форм, организующих коллективные религиозные символы, является одной из самых оригинальных и неверно понимаемых сторон учения Вячеслава Иванова. Первая стадия этого пробуждения народной души, выражающаяся в отрицании всех культурных ценностей и норм, порожденных европейским умом, «составляет сущность учения о мистическом анархизме». Таким образом, религиозное возрождение в сфере культурно-социальной имеет

анархический характер, точно так же, как в сфере индивидуальной необходимой стадией мистического просветления личности является «неприятие мира» в его непросветленном аспекте. Вячеслав Иванов констатирует, что антиномии современного религиозного сознания вызваны тем, что в сущности в постановке вопросов человеческой свободы наше сознание остается языческим. «Так бьемся мы в стенах⁶ старой тюрьмы, в которой билось язычество, и наше отчаяние — только маска древнего ужаса, перешедшего в древности в “*taedium vitae*” и “*carpediem*”»^{<?>}.

Преодоление этого ужаса перед судьбой, превращение этого «*terrorfati*»^{<?>} в «*amorfati*»^{<?>}⁸ Вячеслав Иванов видит в христианском понимании человеческого самоутверждения. И в этом Вячеслав Иванов опять резко расходится с Ницше, который в христианстве видит лишь отрицание личности и для которого нашим истинным «я» является ненасытимый, как пламя, «инстинкт власти». Для Ницше, утверждающего только мужское начало нашего духа, абсолютное утверждение становится абсолютным отрицанием. Здесь не место излагать то мистическое разрешение, которое Вячеслав Иванов дает антиномии свободы и необходимости (читателям «Золотого Руна» оно достаточно известно), мне только хотелось бы разрушить неверное представление традиционной критики, которая стремится все учение В. Иванова свести к его экзотерической формулировке, — к формулам «неприятие мира» и «мистический анархизм», — пункту, в котором Вячеслав Иванов сходится с другим теоретиком символизма Георгием Чулковым, важный труд которого появился несколько ранее в издании «Золотого Руна»⁹.

Проблема нигилизма мучительно захватывает Вяч. Иванова, так же, как она волновала Ницше. Источником этого нигилизма является современный псевдо индивидуализм, который вместе с тем представляет главную опасность для религиозного возрождения. Современный индивидуализм есть лишь гримаса, поза. Как верно говорит Вяч. Иванов, «нам не к лицу демоническая маска¹⁰. Сами созвездия сделали нас (русских в особенности) глубоко добрыми — в душе. Пример памятен: лютейший в речах из наших братьев, завещавший нам кодекс “иммориализма” — “*imitatio Caesaris Borgiae*”, — и ставший жертвой нового Сфинкса, который пришел загадать загадку сердцу, жертвой сострадания, как Иван Карамазов...»

Этот индивидуализм поддерживает в современном искусстве эстетически реакционные формы, как наше современное декадентство, покоящееся на идеалистическом принципе, на субъективном идеализме.

Вместо нашего истинного «я» этот индивидуализм утверждает лишь тень тени, разлагая мистическую субстанцию духа на ряд атомов мгновений. И это идеалистическое искусство логически ведет к нигилизму (это предсказал уже Ницше), а в сфере общественной — к полной дезинтеграции коллективного религиозного сознания.

Поэтому Вячеслав Иванов выступает непримиримым противником идеалистического искусства, которое запечатлеват лишь призраки^{<?>}, «Scheindes Schemes»^{<?>}.

Теперь, когда декадентство готово замкнуться на новый классицизм, выработав новый канон, когда недавние пророки готовы отчаяться в преодолении субъективизма и готовы всю философию ограничить одной гносеологией, книга Вячеслава Иванова — явление важное и значительное.

Нам остается только пожелать, чтобы Вяч. Иванов довершил свою теорию идеалистического и реалистического искусства, опирающуюся на психологические и эстетические категории, дав твердый гносеологический базис этим категориям.

В заключение отметим, что книга Вячеслава Иванова рассеивает другой устоявшийся предрассудок о нем, как о мудреном книжнике, доступном только небольшим кружкам посвященных: для того, кто даст себе труд внимательно освоиться с терминологией В. Иванова, легко проникнуть в сущность этого стройного мировоззрения. Все статьи, включенные в книгу, большей частью обработаны стилистически и дополнены автором. Некоторые отделы книги, как «Спорады», по ясности изложения, меткости и чеканке стиля являются настоящими шедеврами.

1909

